

Анатолий Матвиенко

ПРОШЛОЕ НЕЛЬЗЯ ЗАЧЕРКНУТЬ

Историческая фантастика

Анатолий Матвиенко

**Прошлое нельзя зачеркнуть.
Историческая фантастика**

«Издательские решения»

Матвиенко А.

Прошлое нельзя зачеркнуть. Историческая фантастика /
А. Матвиенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850305-4

Прошлое не вернуть, не перечеркнуть... Разве что придумать другое. Или сделать неожиданные выводы из минувшего. Четыре повести известного писателя-фантаста из Минска Анатолия Матвиенко предлагают разные варианты. «Русский Рейх» и «Земляное масло» написаны в жанре стим-панка. Повесть «Попаданец — Учитель Сталина» представляет пародию на набившие оскомину романы про «попаданцев» во времена Второй мировой войны. А в «Жуткой тайне КГБ» предлагается нетрадиционный взгляд на причины распада СССР.

ISBN 978-5-44-850305-4

© Матвиенко А.
© Издательские решения

Содержание

Русский Рейх	6
Глава первая, в которой граждане графы знакомятся с новой русской действительностью	7
Глава вторая, в которой Строганов восстанавливает старую дружбу с новым русским вождём	12
Глава третья, в которой появляется Александр Сергеевич Пушкин	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Прошлое нельзя зачеркнуть Историческая фантастика

Анатолий Матвиенко

© Анатолий Матвиенко, 2017

ISBN 978-5-4485-0305-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прошлое не вернуть, не перечеркнуть... Разве что придумать другое. Или сделать неожиданные выводы из минувшего. Четыре повести известного писателя-фантаста из Минска Анатолия Матвиенко предлагают разные варианты. «Русский Рейх» и «Земляное масло» написаны в жанре стим-панк. Повесть «Попаданец – Учитель Сталина» представляет собой пародию на набившие оскомину романы про «попаданцев» во времена Второй мировой войны. А в «Жуткой тайне КГБ» предлагается нетрадиционный взгляд на причины распада СССР.

Русский Рейх Das Russische Reich

Декабристы 1825 года окружены ореолом славы как мученики борьбы за свободу. Однако мало кто задумывался, чем в реальности обернулась бы для России победа государственного переворота. Питерские дворяне на Сенатской не учли уроков истории: трагедии Кромвеля, ужасов якобинской диктатуры, русской смуты. После короткого безвластия к браздам правления прорвался бы самый энергичный, жестокий и циничный популист.

История не знает сослагательного наклонения. Но каждый государственный лидер, принимая важное решение, задумывается – что случится, если я поступлю иначе. Какие тревожные и трагические мысли роились в голове российского самодержца перед тем, как он приказал стрелять картечью из пушек по своим подданным?

Возможно, он спас страну от катастрофического сценария. Декабристы предложили лекарство хуже самой болезни.

Глава первая, в которой граждане графы знакомятся с новой русской действительностью

По польской дороге неспешно катилась карета с двумя ветеранами наполеоновских войн.

– В Бородинской баталии тоже участвовали, Павел Николаевич? Осмелюсь спросить, сколько же лет-то вам было?

Бывший граф, а ныне заурядный гражданин Российской Республики Павел Демидов загадочно улыбнулся, вспоминая юность.

– Четырнадцать, любезный Александр Павлович. В кавалергардский полк меня в начале войны зачислили. Не столько протекции благодаря, сколько росту высокому, не глядя на юный возраст. И – да, отрицать не стану, батюшка мой Николай Никитич постарались, снарядив конный полк за свой счёт.

Напротив Демидова на мягких подушках роскошной кареты восседал другой бывший граф. О чудодейственном превращении собственной светлости в обычного гражданина и городского обывателя Александр Павлович Строганов узнал, находясь в Париже. Он ничуть сему факту не расстроился. Не мудрено – при Бурбонах парижские улицы, пропитавшиеся вольнодумством, якобинством и революцией, каждому проходящему норавли в ухо шепнуть: свобода, равенство, братство.

По матери Елисавете Александровне, урождённой Строгановой, бывший кавалергард Павел Николаевич Демидов приходился дальним родственником второму путешественнику и искренне обрадовался, встретивши того в Варшаве. Дорогу до Москвы бородинские ветераны коротали в беседах, пока демидовский кучер погонял четвёрку отличных лошадей, а лакеи двух господ тихо злословили про хозяев.

– Сдаётся мне, кавалергарды знатно там отличились, – Строганов продолжил близкую обоим ратную тему.

– Было дело, да-с. С бригадой генерал-майора Шевича аккурат перед батареей Раевского рубили кавалерию де Груши. Поверите ли, Александр Павлович, строен я был тогда и прово-рен, – с нескрываемой грустью Демидов опустил очи к жилетке, заметно подпираемой плодами чревоугодия. – А вы?

– Не без этого, изящество фигуры поутратил малость. Бог, как видите, росточком не оби-дел, но в кавалергарды выбиться не довелось. При Бородине также пороху нюхал. Первый лейб-гренадерский Екатеринославский полк, чай слышали?

– Непременно-с. Так что мы оба, как говорится, огнём опалённые. Позвольте полюбопытствовать, в Москву надолго или сразу в родные пенаты – во Владимир?

– Что значит – во Владимир? Нет у меня в нём дел.

– Выходит, вы не в курсе Александр Павлович, что Владимиром нынче зовётся бывший Нижний Новгород. По личному повелению Государя нашего и председателя Верховного Прав-ления Павла Ивановича Пестеля.

– Не скрою, удивили. Более, нежели отделением Польши. Так что – на Руси два Влади-мира?

– Прежний нарекли Клязьминском. Река там протекает – Клязьма.

– Стало быть, Петербург поименуют Невском, а Киев – Днепровском.

– Сиё мне не ведомо. Только купечество нижегородское, кое ныне владимирским зовётся, за подсчёт барышей принялось. Пал Иваныч перенос столицы во Владимир замыслили. Оттого купеческие общества скупают дома в городе, земляца каждый день дорожает. Шутка ли – сто-лица российская. Потом продадут сам-три, а то и сам-пять.

– Лопнут от барышей, – усмехнулся Строганов. – А Пестель-Государь, небось, отгрохал себе палаты с видом на Волгу?

– Не успел, сердешный. Переезд затеял из ненавистного ему Питера, да и застрял в Москве. Нет пока во Владимире казённых зданий, пригодных вместить Верховное Правление, коллегии да войсковой штаб. Фискалы с Синодом перебрались, Адмиралтейство, Почта и Презрение в Санкт-Петербурге замешкались. Так и правит наш вождь на три столицы.

– Pardon, Павел Николаевич, разъясните другое. Ладно Санкт-Петербург, вотчина романовская, ему не люб. Чем Москва плоха?

– Владимир народнее. Пестель нижегородцев почитает, Минина с Пожарским. Кстати, как в Республику въедем, извольте попридержаться pardon и s'il vous plaît. Язык оккупантов двенадцатого года под запретом, потрудитесь по-русски говорить. А в Верховном Правлении немецкий уважают. Вы же помните Пестеля, Кюхельбекера, Дельвига. У них с русским языком... не очень, знаете ли.

– Как же, поэтические опусы Дельвига и Кюхли читывал. На благо Республики запретил бы им Пестель по-русски писать, не позориться.

– Недооцениваете Павла Ивановича. Запретили, и давно-с, и слава Богу.

По бокам кареты проплывали последние аккуратные польские маёнтки. Летний ветер лениво шевелил шторку на окне, экипаж покачивался на рессорах, да кучер покрикивал на лошадей. Александр Павлович, давно в Восточной Польше не бывавший, поглядывал на пейзажи. Удивительное дело, даже сидя он сохранял особую ровность стана, и в сером английском рединготе продолжал выглядеть лейб-гренадёром, снявшим мундир по недоразумению и не надолго. Его спутник, напротив, ощутил, что недавно строенный по фигуре сюртук уже несколько стесняет по-купчески раздобревшее тело. Расстегнув опасно натянутые пуговицы, гражданин граф удобно развалился на сиденье и засвистел в такт сонному дыханью.

Мирная и несколько ленивая даже атмосфера сохранилась до времени, когда упряжка поравнялась с хвостом очереди из телег и карет у русского кордона.

Строганов выглянул из окошка.

– Павел Николаевич, накажите Прохору проезжать. Неужто мы стоять будем?

– Извольте сесть, дорогой родственник. Вперёд нас толпятся такие же граждане. Мы не из Верховного Правления, к Повелевающим не причислены. Посему полно вам волноваться, и поспешать не след. Кликну Егорку обед сообразить.

Кордон меж Россией и Привисленскими землями казался форменной нелепицей. Однако польская независимость потребовалась новому государю незамедлительно и всенепременно. Оттого он поторопился исполнить данные полякам обещания, одарив их Гродненской и Брест-Литовской губерниями. Когда четвёрка поравнялась наконец со шлагбаумом, пассажиры кареты успели потрапезничать и задремать. Посему солдатский окрик: «Хальт! Аусвайс!» (1) ворвался в их грёзы ружейным выстрелом.

(1). Стой! Документы! (здесь и далее – плохой немецкий, ежели не оговорено иное).

Строганов и его лакей Гришка протянули российские заграничные пашпорты, выданные ещё Министерством иностранных дел Российской империи.

– Найн! Не действительны! – рявкнул солдат пограничной стражи.

У Демидовских приключилось не лучше. Лишь паспорт Павла Николаевича не вызвал нареканий. Лакей Егорка и кучер Прохор ко времени выезда в Варшаву состояли дворовыми крепостными. Граф на основании ревизской сказки справил им как сельским обывателям покормёжные и пропускные письма. Однако за время отсутствия Егорка с Прохором обрели свободу от крепостных оков, а Варшава обернулась заграницей. Оттого документы новообращённых свободных превратились в недействительные.

Строганов выбрался из кареты, шагнув антрацитовыми сапогами в мелкую летнюю пыль. Окинул взором стража кордона и подумал себе, что попадись ему эдакое расхристанное чучело в бытность службы в лейб-гренадерском полку, не побрезговал бы сквозь строй прогнать.

Сапоги в гармошку, несвежие рейтузы пузырями, зелёный мундир сохранил свой колер лишь частью – позор, а не защитник Отечества.

Пугало унесло кипу бумаг в караулку. Демидов и Строганов потащились следом.

– Хер цугфюрер! Кайн папире! (2) – доложил страж кордона на отвратительном немецком, качнув давно нечищенное ружьё со штыком в сторону путешественников.

(2). *Господин начальник! Нет документов!*

– Чево? – тот поднял мутный взгляд от стола, на котором для виду лежала горка бумаг, а главное украшение составила пара раздавленных мух.

– Так что это... Господа хорошие бумаг не имеют.

– Мятежники?! Под арест!

– Никак нет, хер цугфюрер. Просрочены бумаги-то. Имперские пашпорты да крепостные подорожные.

– Ага, – заключил постовой начальник и принялся думу думать. Сие дело заняло минут десять. И с польской, и с русской стороны к посту стянулись недовольные ожиданием. Наконец, герр офицер выдал плод раздумий собравшимся.

– Вона как. Тадыть в Варшаву надо.

– Как в Варшаву? – задохнулся в недоумении Строганов.

– Известно как – поспешая. Там к русскому консулу, он вам временный пропуск да и выправит.

– Нету доколе в Варшаве консула, – подсказал Демидов.

– Извиняйте, господа, тут уж ничем не подсоблю. Консулы в ведении Посольской коллегии, – сторож границы печально руками развёл, потом нагнулся и заговорщически шепнул. – Али платите сто рублёв и езжайте с Богом.

Они возмущённо переглянулись. Конечно, оба не бедны, за вечер и по тыще на зелёном сукне оставляли. Однако на сто рублей семья мелкого чина месяцами живёт – не тужит.

Вдруг раздался громкий шум с менской стороны. Впереди шествовал солдат в таком же мундире, как и у кордонного, но чистый, подтянутый, лоснящийся. На рукаве форменки алела повязка, в белом круге чёрный двуглавый орёл.

– Разойдись! Цурюк, граждане. То бишь – назад все.

За энергическим военным важно протопал синий мундир генеральского вида. Цугфюрер резко вскочил, чуть стол не опрокинув. Заметив, что двое господ по-прежнему отираются у караулки, махнул им дланью – скройтесь с глаз от греха подальше.

Пока высокий фюрер песочил маленького, Демидов шепнул Строганову:

– По две беленьких с каждого и поехали, Александр Павлович?

– Не куковать же до морковкина загovenья.

Синий мундир удалился, весь в усах и шпорах, однако пограничник с грустью глянул на четыре ассигнации и покачал головой.

– Извиняйте, господа хорошие. Никак нельзя-с. Разве что завтра.

Вернувшись в Барановичи, путники отужинали в трактире, а потом местный еврей всего за десять целковых провёл экипаж по полю, минуя заставу. Так что пробрались они на Родину аки тать в ночи. К губернскому городу подъехали через пять дней, по пути расставшись с сотней – повстречался патруль. Созерцая, как унтер хапужисто прибрал купюры, Строганов заметил спутнику:

– Ныне Россия – самая дорогая страна для путешествий.

Старинный друг отца Павла Николаевича, получивший от республиканской власти кресло губернского начальника, радостно встретил пару товарищей и зазвал в свой кабинет. Там половину стены занял огромный портрет Пестеля. Увы, поспособствовать с документами менский глава решительно отказался.

– Никак не могу-с, при всём уважении и доброй памяти о юных годах с вашим батюшкой. «Русская Правда» и законы революционные однозначно велят: новые бумаги справлять по месту жительства. Особо касаясь бывших крепостных – только в волости, к коей приписаны были согласно подушным спискам.

– Как же быть, ежели новшества в дороге застали? – огорчился Демидов.

– Пока перемены не улягутся, во благо дома сидеть. Там, глядишь, и наладится.

Не решивши дело с «папире» и заночевав в жидовском (3) трактире в нижнем городе неподалёку от собора Петра и Павла, путники наутро двинулись в Смоленск и Москву. Увиденное по пути вселяло и тревогу, и надежду. Да, народ вздохнул свободнее, а такие люди трудятся радостней и плодотворней, нежели подневольные. Однако порядку, коего на Руси и ранее не хватало, ещё поубавилось. Вернее сказать, порядок совсем исчез.

(3). В смутные времена после Декабрьской революции слово «жид» (от польского Żyd) бранного оттенка не несло, употреблялось наравне с «еврей» и «иудей».

Под самой первопрестольной карету пытались ограбить. Демидов сплеховал, замешкался, а Строганов извлёк пару дуэльных пистолетов, всыпал порох на полку и выскочил наружу. Там бородинский ветеран дважды спустил курок, без разговоров застрелив двух налётчиков с ружьями. Разряженный пистолет кинул Гришке, а сам заорал на лихих людей:

– А ну убрать бревно с дороги! Живо! Не то в каждом дырок наколочу!

С другой стороны грянул одиночный выстрел. И Демидов убедил кого-то.

Дивная штука – человеческое стадо. Только готовы были наброситься на пятерых путников, распаляясь близью лёгкой добычи. А как отпор встретили – сникли, хоть и осталось разбойников дюжина против пяти. Под пистолетным дулом сосну откатали, приговаривая: «не сердчайте, барин, бес попутал». Потом проводили экипаж голодными глазами.

– По закону положено заявить в отделение Общего Благочинья, – толстый Демидов отёр нервный пот платком.

– Окститесь, сударь. Мы, документов не имеющие, словно рябчиков постреляли полноправных российских граждан. Тут ста рублями не отделаемся. Я начинаю понимать новую логику, хоть и давно на Родине не был. Лучше другое скажите: вы с Пестелем знакомы?

– Не выпало счастья, хотя заводы демидовские – главные казённые поставщики. Пенька, сукно, парусина, пушки, порох, ядра – всё от нас идёт. Так что причин для знакомства хватает. А вы?

– В юности дружны были и весьма. Потом служба развела. Знаю, он тоже на Бородино отличился изрядно. Интересно, каким ныне стал Павел? Власть меняет людей.

– Уж точно. Вконец зачерствел, видать, козь две дюжины казней утвердил, сотни три душ в ссылку отправил, сплошь друзья по Южному обществу да по Сенатской.

– Как иначе, Павел Николаевич? Видел лиходеев дорожных, мздоимца прикордонного? С ними по-другому не выйдет. Или жёстко, или никак.

– Правда ваша, слов нет, Александр Павлович. Да только горестно мне. С двенадцатого года никого не убивал, даже на дуэли. Тут на тебе – селяне голодные.

– Не корите себя. А ежели мы б лежали на дороге, вилами заколотые? Свечку поставим за упокой и отмолим.

Путники расстались в невесёлом душевном настрое. Демидов далее покатыл к нижегородскому Владимиру, а Строганов у московской родни задержался, поражая столичных барышень знанием последних парижских новостей и мод. Особенно про изобретение Жозефа Ньеса, именуемое «гелиограф». Больше не нужно сутками сиднем сидеть, позируя художнику. Каких-то два часа в недвижении, и портрет готов на пластинке! Александр Павлович не стал уточнять, что французская картинка цветов не передаёт, а хороший рисовальщик всегда чуть-чуть подправит видимое, дабы портрет удался лучше натуры. Гелиограф как зеркало – беспристрастен.

Меж тем Строганов получил ответ на просьбу о высочайшей аудиенции. Государь Руси и глава Верховного Правления, строгий и неподкупный, что аппарат Ньеса, изволил пригласить Александра Павловича в Кремль.

Глава вторая, в которой Строганов восстанавливает старую дружбу с новым русским вождём

– Гутен таг, Александр! Иди же ко мне. С Бородин ты не видел. Меня как ранили, унесли, не про всех с тех пор знаю, кто уцелел, а кто... В моём полку половина осталась.

За приветственной речью Пестель пожал руку другу детства, потом обнял без церемоний.

– Проходи, не чинись, камарад.

Обширная зала Большого Георгиевского дворца, отстроенного после наполеонова пожара, превратилась в кабинет нового отца России. На непредвзятый взгляд, за время с войны двенадцатого года Пестель изрядно подурнел, лицо расплылось, волосы съехали назад, приоткрыв белёсый череп. Ранее чисто брившийся, он отпустил короткие жёсткие усики. Сальная щётка под носом его не молодила, да и мужественности не добавила.

Дабы казаться ближе к простому, «чёрному» люду, народный вождь выдумал особый мундир – чёрного цвета, но с серебристыми эполетами и аксельбантами. Главный революционер оставил на виду имперские регалии за Отечественную войну, пришив к угольно-тёмному сукну, да прибавил к ним парочку новых республиканских, с коими грудной иконостас Государя казался солиднее и значительнее.

Взгляд остался живым, горящим. В нём прибавился неприятный лихорадочный блеск. Спокойный ранее Павел Иванович резко жестикнул, часто вскакивал, начинал суетно носиться от окна к двери, будто сжигаемый неуёмным внутренним пламенем.

Говорил он, как и жил – дёргано, отрывисто, втыкая русские слова в немецкую речь и наоборот. Пестель витийствовал подолгу и пустопрочно, затем возвращался к практическим мыслям.

– Прискорбно, камарад, рядом со мной разумных и толковых людей не осталось. Все они – Муравьев-Апостол, Рылеев, Бестужев, Каховский, Одоевский – больше к власти рвались, а не о народе думали. Пришлось их... Душа кровью обливается.

– Другого выбора не было, Павел, – неискренне заметил Строганов.

– Да. Да! Или они, или Россия. Кого мог – пощадил. Урал, Сибирь, власть окрепнет – верну окайанных. Пусть его. Но не сейчас. Так что беда... Довериться некому.

– А Кюхельбекеры?

– Господи, что с них взять. Младший – куда ни шло, оставил на Балтийском флоте. Касательно Вильгельма... Знаешь, как лицеисты его звали? Кюхля!

– Точно. Помню, мне про пушкинскую эпиграмму рассказывали. Сейчас... Вот!

За ужином объелся я,

Да Яков запер дверь оплошно,

Так было мне, мои друзья,

И кюхельбекерно и тошно.

Пестель расхохотался.

– Точно! Я тоже вспомнил. Кюхля, про неё прослышав, вызвал Пушкина на дуэль. Пистолеты им зарядили клюквой. Представь, он и клюквой попасть не сумел! С пяти шагов! Потом его Ермолов выгнал с Кавказа. И я обречён с такими дело иметь. А что поделать? Надо хоть кого-то из героев Сенатской площади во власти держать.

– Если про лицеистов... Павел, помнишь дьячка Мордана? Модеста Корфа. Математика, финансы – по его части.

– Превосходно, Александр! Вижу, сама судьба тебя привела. Только вот Модест – такой же германец, как и я. Единственный министр остался с прежних времён...

– Русский?

– Увы, мой друг, это – Карл фон Нессельроде. Негоже выходит – Верховное Правление сплошь из немцев состоит, пусть и обрусевших. Мне надо в приближённые русского, верного, без камня за пазухой. Чтоб народ видел – коренная нация в правительстве есть. Короче, Александр, мне ты нужен во власти.

– За высокую честь благодарствую. Только неожиданно весьма.

Пестель подбежал к креслу, на котором сидел Строганов, ухватился руками за подлокотники и низко наклонил потное усатое лицо.

– Будешь главой Коллегии Государственного Благочиния. Фюрером над Бенкендорфом, Дибичем и прочими старшими лейтнерами. (4) А заодно и над другими присматривать. Осились, я верю. А то мне и Рейхом, и К. Г. Б. править – сил больше нет. Помогите!

(4). Führer (фюрер) – большой начальник, leiter (лейтер) тоже начальник, рангом пониже фюрера, но крупнее нежели zugführer (цугфюрер). Такова была иерархия Русского Рейха по установлению Пестеля.

– Согласен! – Строганов выпалил, как в воду бросился; о впечатлении, что благо для страны и польза для вождя могут весьма и весьма разойтись, он умолчал, уповав разобраться в дальнейшем. В жизни не всё таково, коим кажется на первый взгляд.

Отправив родным письма в Нижний Владимир и в надежде вернуться к слиянию Камы и Волги вместе с коллегией, когда перенос столицы завершится, Александр Павлович принялся за дело. Перво-наперво познакомился с заместителями – Иоганном Карловичем фон Дибичем, именовавшим себя в русских документах Иван Ивановичем, и Александром Христофоровичем Бенкендорфом. Волею Пестеля Дибич принял бразды правления полицией, не слишком от имперской отличавшейся, только переименованной в Обыкновенное Благочиние.

А вот с республиканской жандармерией русский вождь начудить изволили. Название она получила пышное и старомодное – Вышнее Благочиние. Доказывая себе и другим надобность сего установления, Пестель мудро написал:

«Законы опредѣляютъ всѣ тѣ предметы и дѣйствія, которыя подъ общія правила подведены быть могутъ и слѣдовательно издають также правила долженствующія руководствоваться дѣянiями Гражданъ. Но никакіе законы не могутъ подвести подъ общія правила ни злонамѣренную волю человѣческую ни природу неразумную или неодушевленную».

Лучше бы Государь сочинил сие по-немецки и без затей, а на русский язык приказал кому-то перевести. Из путанных слов его получалось, что со злонамеренными личностями по закону обходиться не следует; выход один – переносить смутьянов из природы неразумной в природу неодушевленную. Обещанная отмена смертной казни отложилась. Для исполнения наказаний Пестель повелел внутри К. Г. Б. особый приказ основать – Расправное Благочиние, призванное к решению дел, по маловажности своей могущих затруднить судебные места Государственного Правосудия и не требующих точности судебного обряда.

А что может быть проще разбирательства о противлении Верховному Правлению? Какая требуется точность? Не собирать же присяжных по пустяку. Росчерк пера – и в Сибирь, ежели бунтарю повезёт отделаться столь незначительно.

Строганов представить себе не мог на посту главы Вышнего Благочиния личность более соответственную, нежели Бенкендорф.

– Гутен таг, майн фюрер! – при виде нового начальника в здании Благочиния на Лубянской площади он вытянулся как в высочайшем присутствии.

Очевидно было, что закоренелый служака, на одиннадцать лет старший, не сгорает в восторге от пребывания над собой свежее испечённого обер-фюрера. Он сам на то место заглядывался и, понятное дело, Строганову не обрадовался. Точно так же Александр Христофорович не любил прежнее начальство, особенно императора Александра I, упорно не видевшего графские таланты. И Пестеля не жаловал, таланты Бенкендорфа признавшего, но недооценившего. А раньше французов ненавидел, оттого бивал их героически в Отечественную войну. Почему-

то лучшие жандармы получают из личностей, которые никого не любят и сами не любимы никем.

Строганов важно опустился в кресло, давно и тщетно облюбованное Бенкендорфом, потребовав доклада. Тот снова вытянулся во фронт, что новобранец перед унтером, и по пунктам доложил недельное исполнение службы.

– Айн. Раскрыто бунтов противозаконных, вооружённых, во вред Республике направленных – четырнадцать. Цвай. Разогнано обществ злоумышленных, собраний запрещённых, несущих всякого рода разврат и в души разброд, тридцать семь. Драй. Лихоимств да корыстолюбия в частях Правления изобличено девяносто восемь.

– Отчего ж не сотня, Александр Христофoryч?

– Девяносто семь в разнарядке, Александр Павлович. И так бывает, что на службе Правлению на отдельных постах раз в две недели стяжателей садим в острог. Новый лишь к делам приступит, его снова в острог.

– Понятно...

Строганов был озадачен. Он сознавал, что без твёрдой руки порядок в державе не поставить, однако же не видел глубины сей напасти. Кордонные да дорожные побирушки показались ему досадными, но мелкими казусами рядом с общей картиной российских беспорядков, нарисованной ляйтером Вышнего Благодения, которое вдобавок хватало людей по разнарядке, а не по свидетельствам виновности.

– Тайный розыск доносит, мой фюрер, что писак наши уgomониться никак не желают. И пишут, и пишут, и пишут. Революция им не нравится, строгость мер лишнюю обзывается. Гражданам вредно правительство обсуждать. Поверите ли, Александр Павлович, искренне в толк не возьму, что потребно сим бумагомаракам.

– Так-так, – глава К. Г. Б. рассеяно глянул письменный рапорт Бекендорфа, от количества ошибок в коем лицейский наставник упал бы в беспамятстве. – Давайте уж по-немецки, герр генерал. А куда смотрит Государственный приказ печати и культуры?

– Осмелюсь доложить, его голова господин Дельви́г есть лицо поверхностное и безответственное. На циркуляр об упорядочении книгоиздательства и укорочении вольнодумства отмахнулся лишь, что загружен нынче подготовкой полного собрания сочинений вождя; иными авторами заниматься ему недосуг.

– Вот как. Кто же, по-вашему, ныне особенно вреден?

– Как обычно, мой фюрер, Пушкин. Извольте почитать его пасквиль про бунтовщиков против революции, коих вождь помиловал, петлю ссылкой заменив.

В доносе Тайного розыска, тщательно переписанном на русском языке, содержалось стихотворение, которое мятежный поэт зачитал на одной из разогнанных злоумышленных сходок.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

– Печально, – заключил Строганов. – А ведь так хорошо начинал Александр Сергеевич. Здесь же каждая строчка дышит Вандеей и контрреволюцией. Особенно про меч. Явный призыв к свержению Верховного Правления.

– Так точно. Возмутительно

– Знайте, Александр Христофорович. Вольнодумство и якобинство хороши только один раз. Ни одна держава не вынесет революции каждый год. Французы убедили нас, мы не повторим их ошибок. С нас хватит декабря двадцать пятого года, и больше никаких революционеров. Кстати, как там другие смутьяны поживают? Я про иудейский вопрос.

– Прошу простить, – Бенкендорф метнулся в канцелярию и наказал доставить еврейскую папку. Доклад по памяти не был сильным его местом. – Вождь державы повелел создать специальные огороженные поселения на юге Малороссии для некрещёных. Там ныне расквартированы двадцать тысяч внутренней стражи под началом генерала Дубельта.

Глава Вышнего Благочиния замер в ожидании начальственного ответа, высокая чёрная глыба в мундире, подобном пестелевскому, но с меньшим числом побрякушек. Как бы ни был он хорош на своём месте, где острый ум вреден, а главное – нюх и хватка, внешний вид генерала удручал. Он совершенно зря под стать верховному вождю зарастил губу чёрными усами, без которых отлично обходился в войну двенадцатого года; потную лысину Александр Христофорович тщетно пытался прикрыть, зачёсывая на неё редкие чёрные кудельки, росшие над ушами. Разве что остричь его налысо под каторжанина, вздохнул про себя Строганов и уточнил:

– И как дело продвигается?

– Трудно, мой фюрер. Евреям Палестину обещали, да только там Османская империя. Никто добром принимать их не хочет. Государь повелел дать оружие да в Палестину отправить, страну иудейскую себе отвоёвывать.

– Мудрое решение, – заключил Строганов, представивший Чёрное море и восторг османских властей при виде судов с евреями, кочующими к Палестине через Босфор. Однако же осуждать вождя не следует. Новое дело всегда такое – трудное. Лучше пробовать, ошибившись, чем по русскому обычаю на печи лежать и годами разглагольствовать, отчего не хочется за ту работу браться.

– Дабы не было мора среди евреев, Государь наш постановил работу им придумать в лагерях концентрации, чтоб плоды их труда на продукты менять.

– Вот как? Но евреи не всякий труд приемлют. Им бы торговлю, ростовщичество, мелкий промысел на худой конец.

– Теперь не равнины, а Дубельт решает, какая работа им пристала, – осклабился Бенкендорф. – Он даже лозунг выдумал: «Арбайт махт фрай» (5).

(5). *Труд освобождает.*

– Хорошие слова, – согласился Александр Павлович.

Только на воротах концетрацёнс-лагеря несколько двусмысленные. Если часть евреев умрёт от труда, они воистину станут свободными от забот. Но концлагеря и жидовские смерти – не самоцель. Потребно просто освободить республику от чуждого ей народа. Строганов, лично ничего против еврейского племени не имевший, тяжело вздохнул про себя. Оставлять их судьбу на откуп господам вроде Дубельта и Бенкендорфа не гоже. Доблестные генералы К. Г. Б. склонны окончательно решить иудейский вопрос... несколько прямолинейно. Ежели не вмешаться, не укоротить ретивых – вопрос сам по себе развеется. За отсутствием евреев.

– Я подумаю, как ускорить процесс, – пообещал он заместителю. – Вернёмся к поэту. Ваши предложения?

– Какому поэту? – удивился Бекендорф, и Строганов понял, что сплетни о короткой памяти Александра Христофоровича не на пустом месте выросли.

– Не важно. Смутьяном я сам займусь.

Глава третья, в которой появляется Александр Сергеевич Пушкин

В московском особняке главы Коллегии образования Александра Семёновича Шишкова, дарованном ему Верховным Правлением из отобранного у бунтовщиков имущества, собирались любители русской и польской словесности. Александр Семёнович, только что сменивший министра образования, известного содомией и иными пороками, являл собой образец наилучшего русского и консервативного. Служение Отчеству он посвятил, дабы оберегать молодое поколение от заразы «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлой гордостью и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и через то делающим его в старости юношею». Вдобавок, Шишков принадлежал к коренной нации, к удовольствию Пестеля разбавив русской кровью тевтонские ряды Верховного Правления.

Овдовев незадолго до назначения, не обошедшегося без подсказки Строганова, наш увядший муж в свои семьдесят два года женился на вступающей в пору расцвета польской красавице Юлии Осиповне, урождённой Нарбут. Интересуясь плодом и тёплым чаем с вареньем, а не супружескими утехами, называя себя нетребовательным гостем в собственном доме, он снисходительно взирал на развлечения прелестницы, собиравшей молодёжь в гостиной.

Александра Павловича на шишковские посиделки приглашать не собирались. Но коль однажды выразил такое желание приближённый Верховного Фюрера, отказа не последовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.